

РОССИЯ И ЕС: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА

В.Н. Чернега

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация: *Сближение с Европейским союзом на основе тесной ассоциации представляется более естественным и, главное, более продуктивным, чем другие альтернативы. Только ЕС может быть источником необходимого технологического обновления российской экономики, которое могло бы увеличить производительность труда и уменьшить потребность в завозе рабочей силы. ЕС также представляет собой источник социальных технологий, позволяющих восстановить социальную сплочённость российского общества, как и большого опыта в продвижении правового государства и борьбы с коррупцией.*

Ключевые слова: *восточная политика ЕС, Европейский Союз, Россия, постсоветское пространство, экономическое партнёрство.*

Настоящая статья в известной степени является продолжением другой работы — «Шансы России в XXI веке» [Чернега 2001: 50–58], опубликованной ещё в 2000 г. Здесь автор пытался обобщить свои размышления, а также опыт довольно продолжительной дипломатической службы. Являясь в 2000–2012 гг. штатным сотрудником Совета Европы (СЕ) в Страсбурге, автор в соответствии с требованиями Устава этой международной организации не мог выступать с публикациями на темы внешней политики, хотя регулярно участвовал в аналитических программах СЕ по проблемам восточноевропейских стран, в первую очередь Российской Федерации. Опыт работы в СЕ, по большому счёту являющемся политическим инструментом Европейского союза (ЕС), но включающем Россию и другие постсоветские государства, побудил автора заострить внимание на взаимоотношениях России с ЕС. Они все больше определяют судьбу Европейского континента, а в значительной мере — и структуру меняющегося мироустройства.

ЕС как новая европейская империя

Несколько лет тому назад германский политолог А. Рар высказал мнение, что в политике Запада по отношению к России доминирует стремление вытеснить ее из Европы в Азию. В перспективе, заявил он, это может привести к геополитическому разлому мира, похожему на тот, который в свое время вообразил Дж. Оруэлл: «Три громадные империи будут воевать между собой: трансатлантическая, евразийская, в которой Россия и Китай будут вынуждены

объединиться, чтобы противостоять натиску Европы, и халифат. Эти три направления ясно кристаллизуются в мировой политике» [Семёнов 2007]. По словам Раа, авангард сил, которые хотели бы «выдавить» Россию в Азию, составляют Польша, Чехия и прибалтийские государства. Их неявно поддерживают западноевропейские страны, — в частности, Германия, Великобритания и Франция, т. е. самые влиятельные государства — члены ЕС.

Недавние события на Украине и вокруг нее, в которые в той или иной форме оказались вовлечены Европейский союз и Россия¹, подтвердили реальность этого прогноза по меньшей мере в одном: России приходится противостоять «натиску Европы» в лице ЕС. К счастью, взаимоотношения между сторонами этим не ограничиваются. Правильнее будет сказать, что они носят двойственный характер, особенно со стороны ЕС.

Россия активно сотрудничает с государствами — членами ЕС в различных областях, что постепенно ведёт к взаимозависимости. Это особенно характерно для энергетики. Есть впечатляющие примеры сотрудничества в весьма чувствительных космической и военно-технической сферах. В то же время отношения с ЕС в целом, точнее с Европейской комиссией, носят более жёсткий характер. Однако их все же нельзя назвать враждебными, несмотря на имеющиеся расхождения по ряду вопросов — например, по Энергетической хартии, так называемому третьему энергопакету или проблематике прав человека.

Вместе с тем Россия и ЕС все более ожесточённо конкурируют между собой за влияние на постсоветском пространстве. Импульс этой конкурентной борьбы исходит главным образом от Европейского союза. ЕС действительно медленно, но верно превращается в своего рода новую европейскую империю. Пока она ещё весьма аморфна, ей недостаёт политико-государственных скреп, однако логика внешней экспансии, присущая любой империи, проявляется уже достаточно отчётливо.

До сих пор эта рождающаяся империя была оригинальной по принципу своего формирования: новые государства-члены не просто входили в нее добровольно, но должны были реформироваться, чтобы соответствовать критериям вступления. Однако уже в случае с Болгарией, Румынией и в определённой степени с прибалтийскими государствами, которые не соответствовали или не вполне соответствовали этим критериям, на первое место вышла логика экспансии. Отношения с Украиной знаменовали новый этап эволюции: ЕС впервые открыто боролся за включение этой страны в свой состав. Идеологи европейской экспансии не скрывают, что ее целями на постсоветском пространстве помимо Украины являются Белоруссия, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан. Все эти страны, как известно, включены в проект ЕС под названием «Восточное партнерство».

На нынешнем этапе политикой экспансии движет стремление заполучить новые рынки сбыта и дешёвую рабочую силу. Однако в долгосрочном плане речь идёт не только об экономическом освоении новых территорий, но и об их включении в политическое, идеологическое и культурное-цивилизационное пространство создающейся империи. Военная интеграция пока, видимо, как и ранее, будет осуществляться через НАТО, хотя в перспективе обретение Европейском союзом «военного измерения» отнюдь не исключается. Произойдёт это скорее всего тогда, когда ЕС достаточно далеко продвинется по пути создания политико-государственных скреп и перестанет зависеть от США в оборонной сфере.

В России по ряду причин довольно скептически оценивают эту перспективу. Российские специалисты по-прежнему видят в ЕС главным образом общий рынок, единое экономическое пространство со свободным движением товаров, капиталов и рабочей силы. Введение постов президента² и министра иностранных дел³ ЕС не вызвало большого интереса. Дей-

¹ Речь здесь идёт о событиях осени 2013 г.

² Председатель Европейского совета.

³ Верховный представитель ЕС по внешним делам.

ствительно, эти новые институты пока не заработали в полную силу. Но они приобретают иной смысл в общем контексте эволюции ЕС в конфедеративно-федеративное государственное образование.

Парадоксальным образом в условиях нынешнего экономического и финансового кризиса преобразование ЕС отнюдь не замедлилось, а, наоборот, ускорилось, по крайней мере на уровне его «твёрдого ядра», представляемого Германией, Францией, Италией и странами Бенилюкса, а также на уровне евробюрократии в Брюсселе, все более превращающейся в самодовлеющую силу. Под разговоры о «кризисе евро» или «кризисе еврозоны» лидеры этих стран и Европейская комиссия продвигают, хоть и с большим трудом, реформы, направленные на сближение бюджетно-налоговой и банковско-финансовой политики. Это должно придать большую прочность «евро» и одновременно укрепить политико-государственное единство.

Единая политика и единые стандарты в этих областях неизбежно будут толкать интеграционный процесс в сторону совершенствования существующих и создания новых наднациональных механизмов регулирования и управления, по сути — элементов квазигосударственности. Это, в свою очередь, приведёт к дальнейшему усилению и расширению полномочий фактического правительства ЕС — Европейской комиссии, которая все эффективнее унифицирует самые разные сферы жизни государств-членов.

Совсем недавно завершилась инкорпорация в законодательство этих государств Директивы ЕС 2011/98 о введении на их территориях единого документа, представляющего собой одновременно разрешение на работу и вид на жительство для иностранных трудящихся. В ведение Европейской комиссии переходят и вопросы усыновления/удочерения иностранных детей в странах ЕС, столь чувствительно воспринимаемые сейчас в России. Такое все более осязаемое управленческое проникновение в жизнь государств ЕС вызывает наибольшие протесты некоторой части их населения и политических сил, выражающих настроения этих людей.

Это недовольство объективно ведёт к усилению роли Европейского парламента как демократического противовеса Европейской комиссии. Он тоже проявляет большую активность.

Стоит отметить и все более заметные усилия, предпринимаемые прежде всего в странах «твёрдого ядра» ЕС, по формированию «единой европейской идентичности» или, если позимствовать в несколько изменённом виде формулировку из советского прошлого, «нового европейского человека». Они уже не ограничиваются сферой СМИ и, все больше захватывая школу, университет и даже дошкольные учреждения, определяют собою воспитание современного европейца. Речь идёт об усвоении не только идеи такой идентичности в самом общем виде, но и конкретных цивилизационно-культурных убеждений («антисексизма», подавлении «гомофобии» и т. п.).

Разумеется, формирование европейского конфедеративно-федеративного государственного образования потребует ещё много времени и будет сопровождаться спорами, трениями и конфликтами как между странами ЕС, так и внутри них. Возможно, некоторые государства (в частности, Великобритания) даже останутся, по крайней мере на какое-то время, вне этого процесса. В создаваемой новой империи уже заметны уязвимые места: «лоскутный» характер, увеличивающийся по мере экспансии, громоздкость в управлении, неоднородность уровней социально-экономического развития, культурные различия и проч. Формирование «единой идентичности», к примеру шведов и греков, представляется весьма проблематичным. Но все это вряд ли изменит заданный вектор движения — во всяком случае, стран «твёрдого ядра» во главе с Германией, поскольку диктуется объективными потребностями их экономик.

Новые государства-члены будут вынуждены подтягиваться к «старой Европе». Процесс вхождения в «еврозону» Эстонии и Латвии подтверждает это предположение.

Чем привлекателен ЕС?

Для России экспансия Европейского союза на постсоветском пространстве даже в нынешнем виде — вызов стратегического характера. Превращение же ЕС в реальное государственное образование и неизбежное его усиление чревато утратой Россией большей части сферы жизненных интересов, что объективно толкает ее в сторону Средней Азии и Китая. Соотношение сил в этой борьбе явно не в пользу нашей страны. Речь идёт не только об экономической мощи ЕС. Хотя надо помнить, что его совокупный ВВП превышает ВВП России почти в шесть раз при перерасчёте по паритетной покупательной способности и более чем в восемь раз по номинальной стоимости, а производительность труда и конкурентоспособность ведущих экономик ЕС в несколько раз выше соответствующих показателей российской экономики.

Очень важная составляющая мощи ЕС, на которую редко обращают внимание российские специалисты, — высокая степень социальной сплочённости обществ в странах «твёрдого ядра». С 50-х годов прошлого века это считается неременным условием устойчивого экономического развития, залогом успешного противостояния внешним и внутренним вызовам. Сплочённость основывается прежде всего на мощных системах социальной солидарности (социальная защита, социальная помощь), доступности качественного жилья, образования, здравоохранения, а также на уменьшении бедности и последовательном сокращении разрыва между наименее и наиболее обеспеченными слоями населения. Лишь один пример: во Франции в 2000–2008 гг. число бедных (имеющих доход менее 60% среднедушевого по стране) уменьшилось до 7,5% (исторический минимум), а разница в доходах между 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных людей уменьшилась с 8,3 до 6,7 раза. Среди «старых» государств-членов самый большой разрыв был зафиксирован в Португалии (7,9 раза), самый незначительный в Швеции (3,3 раза).

Вместе с тем социальная сплочённость в «старой» Европе зиждется на разделяемых большинством населения ценностях — прежде всего таких, как демократия, правовое государство и права человека. По сути, эти ценности превратились в своего рода религию, потеснив религию настоящую, консолидирующая роль которой ослабевает. В любом случае ценности успешно играют роль идеологической крепости, без которой не могут обойтись ни одно общество и государство.

Конечно, нынешний кризис нанёс удар по весьма дорогостоящей соцзащитной компоненте системы социальной сплочённости. Правительства государств — членов ЕС были вынуждены проводить политику жёсткой экономии, которая всегда означает прежде всего экономию на социальных расходах. Однако запас прочности, создававшийся десятилетиями, достаточно велик, чтобы выдержать это испытание. Да и экономики стран «ядра», обладающие необходимой гибкостью, постепенно восстанавливаются и модернизируются, что рано или поздно позволит вернуться к требуемому уровню затрат на поддержание и развитие системы. Следует подчеркнуть, что речь идёт не о благотворительности, а о важнейшем условии устойчивого развития самих этих экономик.

Именно европейская социальная модель была и остаётся важнейшим фактором притягательности ЕС для населения тех стран, которые заявляют о своем стремлении продвигаться по пути европейской интеграции. Принимаются в расчёт и другие факторы: эффективно функционирующая демократия, автономная по отношению к исполнительной власти и пользующаяся доверием населения система правосудия, высокий уровень правовой защищенно-

сти человека, а также сведение в большинстве государств-членов до исторического минимума коррупции.

Справедливости ради нужно отметить: хотя привлекательность ЕС в кризисные годы несколько снизилась (в том числе во многих государствах-членах), она остаётся весьма значительной, особенно вовне, являясь важнейшим фактором его «мягкой силы». Это важно понимать и учитывать. В России, однако, политики склонны сводить и внутреннюю борьбу в постсоветских странах, и отношения с ними к взаимодействию элит и их поддержке внешними игроками. Глубинные изменения, происходящие в обществе, почти не учитываются. На деле, как показали события на Украине ещё в период «оранжевой революции», никакое вмешательство извне, в частности со стороны Запада (которое, несомненно, было — в том числе на стадии подготовки), не принесло бы результата, если бы значительная часть украинского общества, особенно самые активные его слои, не добивалась смены режима. Движение это было столь мощным, что сделало невозможным соглашение известных своей «договороспособностью» украинских элит.

Строя свою политику, России необходимо принимать во внимание, что, как показывают опросы общественного мнения, число сторонников евроинтеграции на Украине и даже в Белоруссии не просто больше, чем противников, но и продолжает увеличиваться. Можно предполагать, что эта тенденция сохранится, поскольку идея евроинтеграции особенно популярна среди молодых поколений.

Шансы России в конкуренции с ЕС

Нынешняя экспансия ЕС в направлении Украины и неизбежная в будущем экспансия в отношении Белоруссии ставят перед Россией очень трудную дилемму. Она не может не реагировать на эту экспансию, поскольку речь идёт о самой важной части сферы ее жизненных интересов (тем более что за евроинтеграцией, скорее всего, последует интеграция этих стран в НАТО). Вместе с тем Россия не может позволить себе прямую, тем более длительную конфронтацию с ЕС — прежде всего по экономическим причинам.

К счастью, ЕС тоже не заинтересован в конфликте и, судя по всему, будет его избегать. Однако политика экспансии при этом вряд ли прекратится. Скорее всего, она будет скорректирована: движение «парового катка» сменит более гибкая и более осторожная тактика «созревшего фрукта», рассчитанная на длительную перспективу. В этом случае Россию ждет конкурентная гонка, основанная со стороны ЕС на принципе постепенного вытеснения конкурента из стран, вовлечённых в «Восточное партнерство». Собственно, смысл соглашений об ассоциации с ними именно в этом.

Очевидно, что, если Россия будет втянута в такую длительную гонку, это потребует напряжения всех ее ресурсов. Масштабы помощи, уже оказанной Украине, для того чтобы всего лишь приостановить ее движение к ЕС (а вслед за тем и Белоруссии), в момент, когда российская экономика испытывает все большие трудности, показывают, насколько высокой будет для нее цена этой борьбы.

В краткосрочной перспективе у России, несомненно, есть шансы какое-то время сдерживать «натиск Европы». Она располагает рядом необходимых для этого важных «козырей», причем именно на постсоветском пространстве. «Козыри» эти хорошо известны: энергетические ресурсы мирового значения, огромный внутренний рынок, оставшаяся после советской эпохи взаимодополняемость российской экономики с экономиками большинства других бывших советских республик и ещё не исчезнувшие кооперационные связи, а также культурно-ментальная близость (особенно с Украиной и Белоруссией). Немаловажно и то, что Россия

является страной массовой трудовой миграции из этих республик, занимая второе место в мире по числу трудовых мигрантов после США.

Однако в более длительной перспективе все более негативную роль будут играть «факторы слабости» России. В проводимой пропагандистской войне, которая ведётся на Западе, на них постоянно указывают: в политическом отношении Россия застряла где-то между демократией и авторитарным режимом (поэтому отсутствует прочная политическая стабильность), ее судебная система не независима и неэффективна, Российское государство (в том числе правоохранительные органы) поражено беспрецедентной коррупцией, а права человека в стране защищены очень слабо или не защищены вовсе, особенно в российской глубинке. Все это так или иначе сказывается на социальной стабильности, а также на инвестиционном климате, инновационной активности и на экономике в целом, остающейся, несмотря на все предпринимаемые сейчас усилия, в основном сырьевой, малоэффективной и неконкурентоспособной. Критикуя Россию, на Западе не забывают о тревожной демографической ситуации и огромных проблемах в социальной сфере.

Следует отметить, что многие из этих проблем признаются и российской властью. Ею предпринимаются меры для улучшения ситуации с демократией (восстановление прямых выборов руководителей субъектов Федерации, меры по усилению прозрачности выборного процесса), уменьшения коррупции и развития реального сектора экономики. Делаются попытки придать российской промышленности более инновационный и высокотехнологичный характер. В последние годы больше внимания стало уделяться демографической ситуации и проблеме бедности.

К сожалению, на ряде очень важных направлений принимаемые меры не могут принести желаемых результатов в силу, с одной стороны, недостаточности выделяемых средств, а с другой — застарелости, долгосрочности самих проблем. На других направлениях власти явно недостаёт политической воли.

В первом случае наиболее показательна демографическая проблема. По прогнозам большинства зарубежных и российских экспертов, население РФ уменьшится к 2030 г. с нынешних 143 млн до 115–120 млн человек, к 2050 г. — до 90–95 млн человек. Речь идёт о демографических тенденциях, которые складывались десятилетиями. Для того чтобы повернуть их вспять, нужно не менее 25–30 лет при условии проведения государством активной демографической политики и огромных затрат.

Российское руководство, как уже отмечалось, в последние несколько лет много делает для улучшения ситуации в этой области. Это позволило несколько повысить рождаемость, уменьшить смертность и увеличить среднюю продолжительность жизни. Средний показатель рождаемости, например, увеличился с 1,21 до 1,34 (на одну среднестатистическую женщину репродуктивного возраста). Однако только для простого воспроизводства населения нужно достичь показателя в 2,1. Рост начинается с показателя 2,2.

Иными словами, достигнутые успехи не являются переломными. Отмечающийся ныне некоторый прирост населения — временное явление, поскольку новые репродуктивные поколения, родившихся в 1990-е годы, не могут продолжить его из-за своей малочисленности. При этом прирост в значительной степени был достигнут за счёт более высокой рождаемости на Северном Кавказе и миграции. В перспективе Россию ждёт депопуляция, которая затронет прежде всего традиционные русские области.

Россия уже сегодня существенно уступает по численности населения ЕС (500 млн человек) и Китаю (1,3 млрд). Будущее грозит неизбежным и опасным усугублением этого дисбаланса. Сокращение населения ставит под вопрос сохранение Россией даже статуса великой региональной державы. Кроме того, все сложнее будет контролировать всю огромную территорию страны, особенно Восточную Сибирь и Дальний Восток. Эти регионы, где сосредото-

чены огромные запасы полезных ископаемых, соседствуют с быстро развивающимся Китаем, остро нуждающимся в сырье. Поэтому сохранение востока может стать главной проблемой безопасности страны.

Стоит также отметить уже ощущающуюся нехватку трудовых ресурсов. Это побудило российское руководство принять Концепцию государственной миграционной политики до 2025 г., где констатируется, что к указанному году эти ресурсы уменьшатся на 10 млн человек. Концепция предусматривает замещать их главным образом иностранными трудящимися. С учётом уже имеющихся проблем, вызванных внешней и внутренней миграцией, нетрудно предсказать, что это приведёт к дальнейшему росту напряжённости и конфликтам между коренным населением и мигрантами, т. е. к ослаблению сплочённости российского общества.

Однако более всего социальное единство подрывает увеличивающееся неравенство в доходах людей. В этом отношении Россия движется в направлении, прямо противоположном ЕС. В 2000 г. разрыв между 10% самых зажиточных и 10% наименее обеспеченных россиян составлял 8 раз. В 2012 г., согласно официальным данным, он достигал 17 раз. Однако эксперты различных международных организаций фиксировали разрыв не менее чем в 23 раза, а в Москве — более чем в 60 раз. Этот разрыв неизбежно переносится в жилищную сферу, здравоохранение, область образования.

Рост социального неравенства сочетается с проблемой бедности. Российская власть не без оснований говорит о сокращении бедности по сравнению с 2000 г. Однако если за основу подсчёта взять не прожиточный минимум (6,5 тыс. руб. в месяц), а критерий ЕС (менее 60% среднедушевого дохода по стране), то число бедных составит не менее 40%. Это самый высокий показатель среди экономически развитых стран, в том числе тех, которые уступают России по такому критерию, как объем произведённого ВВП на душу населения.

Прямым следствием неравенства и бедности, оборачивающихся социальной маргинализацией миллионов людей, в том числе молодёжи, является ряд печальных рекордов России, характеризующих качество жизни: первые места в мире по числу лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, первое место по числу абортёв, одно из первых мест по количеству заключённых. Хорошо известно, в том числе из истории России, что нищета, маргинализация, чувство несправедливости являются питательной средой для экстремизма и терроризма.

Социальная разобщённость затрудняет продвижение в российском обществе какой бы то ни было «национальной идеи», которая могла бы играть роль идеологической скрепы. Патриотическое единение вокруг присоединения Крыма не должно обманывать: каким бы мощным оно ни было, оно не может объединить общество надолго.

Наличие всех этих проблем признается и российской властью. О «высокой дифференциации доходов» по сравнению с европейскими странами и о том, что «каждый восьмой россиянин живёт ниже черты бедности», говорил в одной из своих предвыборных статей В. Путин⁴. К сожалению, принимаемые российским руководством для их решения меры носят частичный характер и не могут переломить ситуацию. Чтобы добиться прорыва, необходимо радикально менять систему перераспределения национального богатства.

Представляется, что российские элиты недооценивают, насколько социальные проблемы подрывают общественную сплочённость, политическую стабильность страны, сокращают возможности ее устойчивого экономического развития. Сам термин «социальная сплочённость» пока даже не вошёл в политический обиход, а российские элиты демонстрируют явную неготовность к самоограничению (прежде всего к уплате высоких налогов на большие доходы и соответствующих взносов в социальные фонды), давно ставшему нормой для элит развитых стран (в том числе в ЕС).

⁴ Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. — М., 2012. — 13 февр.

Хрупкость российского социального организма чрезвычайно осложняет длительное отвлечение значительных ресурсов на внешние цели — в частности, на защиту своих жизненных интересов на Украине и в Белоруссии. Это чревато дестабилизацией страны. Ситуация усугубляется тем, что экспансию ЕС поддерживают Соединённые Штаты, проводящие ошибочную политику, цель которой — не допустить возрождения России как сильной державы.

Международные «факторы слабости» ЕС

Если оценить «факторы слабости» России в более широкой международной перспективе, становится очевидным, что со временем они будут все более негативно влиять на ее шансы занять достойное место в меняющемся мире. Российская дипломатия всегда отвергала идею «однополюсного» мироустройства, которую после распада СССР реализовывали США, и противопоставляла ей концепцию «многополярности». США и сегодня остаются самой сильной экономической, научной, военной и информационной мировой державой. Однако триумфализм, возникший после исчезновения главного противника, чрезмерная вера в свои возможности, традиционный мессианизм ведут к тому, что США, не желая перестраиваться под вызовы нового и быстро меняющегося мира, пытаются подстроить его под себя — в том числе с помощью силы. Результат очевиден — непомерная растрата ресурсов страны, экономический кризис. Между тем на горизонте появились новые великие державы, прежде всего Китай и Индия, активизировалась Россия. Менее послушными стали многие союзники Америки — например, Турция и Пакистан.

Сегодня, как считают большинство политиков и экспертов, США уже не в состоянии обеспечивать «однополярность» мировой структуры. Правда, далеко не все из них согласны с тем, что на смену ей пришла «многополярность» в классическом смысле этого слова. Министр иностранных дел Франции Л. Фабиус, например, предпочитает говорить о «нулевой полярности».

Как бы то ни было, в условиях формирования новой мировой структуры Россия теоретически имеет больше шансов сохранить свой статус великой державы и претендовать на роль одного из центров силы. Активная многовекторная внешняя политика до сих пор позволяла стране не только удерживать свои международные позиции, но и временами усиливать их.

Однако какой бы успешной ни была внешняя политика, она не может бесконечно долго восполнять недостаточность социально-экономического потенциала, демографических возможностей перед лицом других мировых центров силы. Речь уже идёт не только о ЕС, США, Китае или Индии. К России в экономическом и демографическом плане уже подтягиваются такие, например, страны, как Бразилия и Мексика. На подходе и другие — причём, в отличие от Российской Федерации, основным источником роста в них является реальный сектор экономики. Объективно появление новых, динамично развивающихся государств ведёт к понижению международного ранга России и ее возможностей влиять на мировые процессы.

Продвижение Россией своих интеграционных проектов — Таможенного союза и АЗЭС, которые полезны и необходимы для развития совместной торговли, не является, однако, адекватным ответом на новые глобальные вызовы. Партнёры России по этим проектам не в состоянии ни усилить ее технологический потенциал, ни помочь ей решить проблему социальной сплочённости, модернизировать политическую или судебную систему. Реальное участие Украины в Таможенном союзе и АЗЭС под большим вопросом, особенно в перспективе⁵, да и в Белоруссии, как уже отмечалось, усиливаются евроинтеграционные настроения. В Средней

⁵ Теперь, после присоединения Крыма к России, вопрос снят — в пользу неучастия. — *Прим. ред.*

Азии российская активность будет наталкиваться на увеличивающееся влияние Китая. К тому же давно сложившиеся узкокорпоративные интересы национальных элит стран — участниц «евразийской интеграции» допускают сближение только до определённого предела.

Аргументы в пользу ассоциации России и ЕС

С учётом всех указанных внутренних и внешних факторов для России становится жизненно важным определить альтернативу заведомо проигрышной затяжной прямой конкуренции с ЕС на постсоветском пространстве. Представляется, что такой альтернативой является движение навстречу ЕС. Углубление и расширение взаимозависимости даст России возможность, с одной стороны, нейтрализовать конфронтацию с ЕС, а с другой — обеспечить себе возможность постепенно, эволюционным путём преодолеть внутренние проблемы, надёжнее обезопасить свои интересы и территориальную целостность.

Речь не идёт о том, чтобы перестать жёстко отстаивать национальные интересы в диалоге с ЕС по конкретным вопросам сотрудничества (заставляя тем самым себя уважать). Необходимо принять принципиальную установку на включение в процесс евроинтеграции, проявлять реальную готовность к сближению в самых различных сферах, в том числе законодательной.

Разумеется, такой выбор потребует преодоления серьёзных препятствий как в самой России, так и в ЕС. Принадлежа к европейской культуре, Россия в силу своей географии и истории обречена на «евразийскость». Для того чтобы совместить «евразийскую природу» с евроинтеграцией, понадобится большая политическая воля, длительная адаптационная работа, отход от некоторых привычных стереотипов.

Несомненно, много времени потребуется для перестройки мышления нынешней правящей элиты России. Она пока не готова принять самоограничения, связанные с «европейской моделью». Этим в значительной мере объясняются определённая эйфория от кризиса «еврозоны», надежды, связанные с продвижением Таможенного союза и АЗЭС, возобновление «евразийского» дискурса. Отсюда и попытки найти своего рода противовес ЕС в сближении с Китаем.

Однако, как уже отмечалось, перспективы Таможенного союза и АЗЭС весьма ограничены — особенно без участия Украины. Реальное же сближение с Китаем представляется маловероятным. Не только потому, что основная часть населения и экономического потенциала России сосредоточены в её европейской части, а основным торгово-экономическим партнёром является ЕС. Не следует обманываться хорошими отношениями с Китаем, хотя их и надо, конечно, развивать и укреплять.

В союзе с Китаем России будет отведена роль младшего партнёра. Такой союз приведёт к усилению угрозы «тихого освоения» китайцами российского Дальнего Востока. Да и пока не ясно, сможет ли Китай, не без основания претендующий на роль второй сверхдержавы мира, без внутренних потрясений преодолеть нарастающее противоречие между новой экономикой, становящейся все более капиталистической, и старой политической системой. Китайская печать уже выражает обеспокоенность набирающей обороты «вестернизацией» своего нового среднего класса.

Сближение с Европейским союзом и формирование «Большой Европы» на основе тесной ассоциации представляется более естественными и главное более продуктивным для России. Только ЕС может быть источником необходимого технологического обновления российской экономики. Связанное с таким обновлением повышение производительности труда могло бы уменьшить потребность в трудовой миграции и ослабить связанную с ней напряжённость. ЕС — источник эффективных социальных технологий, позволяющих восста-

новить сплочённость российского общества. ЕС располагает большим опытом в строительстве правового государства, борьбе с коррупцией.

Конечно, любая ассоциация предполагает определённое ограничение национального суверенитета. Это крайне чувствительная проблема, до сих пор не преодоленная частью населения и политических кругов даже западноевропейских стран. Но в случае принятия курса на евроинтеграцию Россия может стать крупнейшим государством «Большой Европы», а по мере технологического обновления и укрепления российской экономики ее роль будет усиливаться. Вопрос о том, приведёт ли это сближение Россию к формальному членству в ЕС, лучше оставить на усмотрение грядущих поколений. Тем более что ни Россия, ни ЕС к этому пока не готовы.

Возможность вступления России в ЕС, хотя бы в отдалённом будущем, воспринимается сегодня в государствах-членах и в Европейской комиссии как умозрительная гипотеза. Скептицизм в отношении России усиливает массивная антироссийская пропаганда, благодаря которой в общественном мнении большинства этих государств создан крайне негативный образ страны. Да и среди западных элит есть фракции, которым действительно не чужда идея вытеснения России в Азию.

Вместе с тем немалое число серьёзных западных политиков и экспертов понимают, что Россия нужна объединённой Европе: без нее Европейскому союзу будет недоставать стратегической глубины и мощи для того, чтобы в будущем на равных конкурировать с другими мировыми центрами силы. Без России не обеспечить стабильность на Европейском континенте. Симптоматично, что в Европе обсуждается вопрос о том, какая договорно-организационная форма лучше всего позволила бы России и ЕС сблизиться, оставив за скобками вопрос о членстве. В конце 2013 г. специализированный исторический канал французского телевидения проводил «круглый стол» на эту тему. Выступавший на нем бывший президент Франции В. Жискард д'Эстен подчеркнул: «Россия — безусловно, европейская страна, которая, однако, обладает значительной территорией в Азии, что является формальным препятствием для ее возможного вхождения в ЕС». Поэтому призвал найти такую форму «привилегированного партнерства», которая обеспечила бы «общеевропейское единство».

Россия не раз в своей истории оказывалась перед стратегическим выбором, имевшим для нее судьбоносное значение. Уже, вроде бы, сделав принципиальный выбор в пользу Европы, в XX столетии она решила пойти «своим путём». XXI век вновь ставит Россию перед необходимостью найти свое место в мире, в меняющейся Европе, с тем чтобы обеспечить себе переход на качественно новый этап развития экономики, государства и общества.

Чернега В. 2001. Шансы России в XXI в. — *Международная жизнь*. — № 1.

Семёнов В. Регресс понимания. 2007. — *Независимая газета*. — Доступно: http://www.ng.ru/stenarii/2007-01-30/13_regress.html. — Проверено: 5.10.2016.